

Свои мемуарные записки я стараюсь представить в виде жизнерадостных познавательных рассказов, которые оказались бы не скучными в первую очередь для моих близких, друзей и знакомых. (Большая их часть опубликована в газете «Волоколамский край» и журнале «Парус» «Журнального мира».) Для более широкой аудитории они могут представлять интерес как легкое и порой забавное, не претендующее на литературную изысканность, чтиво (которым можно занять себя в поезде, самолете, перед сном, что с удовольствием практикуется многими читателями, к числу которых я на склоне лет отношу и себя).

«Маркиз» – первое повествование из авторских записок, с чего, собственно, и начался их отсчет – долго пролежало «в столе» в силу своей специфики, и под описанную жанровую категорию подходит, пожалуй, частично. В нем я постарался рассказать об интересной, необычной и малоизвестной специальности радистов. После полувекового прошлого описываемых событий, многократных правок и исправлений, вариант, полностью лишенный какой-либо «крамольной» информации, наконец, обрел свой окончательный вид, одобренный и выбранный для публикации уважаемой редакцией журнала «Вертикаль. XXI век», за что я ей безмерно благодарен (от своего лица и, надеюсь, от лица радиотелеграфистов любого профиля).

Александр Савельев

*Посвящается всем, с кем довелось служить в то время
(с надеждой на снисхождение к представленной версии).*

МАРКИЗ

(ИЛИ СУТКИ РАДИСТА)

*Но кто же тот, счастливейший из нас,
Кто вовремя постиг текущий час?
Мы все – глупцы. В нелепейшей гордыне
Себя же обрекли на маету,
Везеньем брезгуя и пестуя мечту,
И наше Завтра губит наше НЫНЕ...*

Аннета фон Дросте-Гюльсгоф
«Carpe Diem!»

Утро

«Рота, подъем!» – этот ненавистный возглас дневального возвестил о начале еще одного дня службы для дивизионных матросов, в числе которых был и тот, которому особенно не хотелось вставать в то пасмурное

утро. Выглянув из-под одеяла и оценив обстановку в кубрике, он нырнул обратно, спрятал голову под подушку и замер. При этом поверхность его кровати ничем не выделялась, сливаясь с общей плоскостью длинного ряда других коек, уже покинутых своими хозяевами, спешащими на зарядку. Оставаться незамеченным для дежурного офицера или мичмана, заглядывающих в опустевший кубрик, удавалось пару раз и раньше, чему, способствовало отсутствие излишеств форм его фигуры.

По возвращении личного состава с зарядки, притаившийся нарушитель незаметно вылез из-под одеяла, потянулся, зевая, и влился в общую суматоху армейской жизни, неторопливо и размеренно текущей в дивизионе связи Крымского гарнизона морской авиации.

Гарнизон располагался у самого синего моря и входил в состав Краснознаменного Черноморского флота СССР. От высокой крутизны местного обрывистого берега здание дивизиона отделяло всего метров двести.

После завтрака пропустивший зарядку матрос, собираясь в кубрике на вахту, прихватил из тумбочки и незаметно сунул за ремень под робу библиотечную книгу и отправился в строю с несколькими радистами и телеграфными операторами на ПРЦ (приемный радиоцентр) сменять отдежуривших товарищей. Здание ПРЦ находилось на окраине гарнизона, у летного поля с округлыми холмами капониров. Нескончаемые просторы поля летом неизменно покрывались душистым разнотравьем.

За время пребывания в Крыму большую часть службы, уже подходившей к финалу, матросу выпало провести на бесконечных вахтах: шесть часов дежурства, шесть – отдыха, шесть – дежурства, шесть – отдыха... Так что процесс смены был отработан до автоматизма. Относился он к подразделению радиотелеграфистов, или попросту радистов ПРЦ, но, в отличие от обычных радистов, владевших азбукой Морзе с передачей на традиционном, всемирно известном ручном ключе, мог работать еще и на специальной аппаратуре. А вернее сказать, это и было его основной служебной деятельностью.

Балтийская учебка

Армия выхватила его с первого курса вечернего отделения МАИ весенним майским набором, забросив из столицы на флот, где тогда, в самом начале семидесятых годов прошлого века, служили три года. Но на пересылочном пункте, он вместо запланированной военкоматом черноморской учебки для плавсостава в Николаеве, попал на Балтику, в учебку морской авиации – рода войск СССР того периода с двухгодичным сроком службы матросов (с робами и погонами голубого цвета).

Располагалась школа под Калининградом (бывший Кенигсберг) в Колосовке (Вильгайтен) и состояла из необычного, напоминающего с воздуха измененную конфигурацию свастики, каскада соединенных между собой в основном двух-трехэтажных корпусов из темно-красного кирпича с четкими, педантичными выступами чердачных окон. Здания основательно возвели еще немцы, оборудовав таинственными (до конца не исследованными тогда) подвалами, затопленными ими, по слухам, при отступлении посредством удивительной системы каналов со шлюзами, соединяющей озера Восточной Пруссии. По разным сведениям в комплексе ранее размещались разведчасти вермахта, или школа абвера... В описываемый период постройки в полной мере использовали старые надежные бытовые коммуникации и вмещали около десяти рот курсантов морской авиации по разным специальностям связи.

После прохождения тестированного отбора в близлежащем Пионерске (Нойкурэн) с проверкой реакции, способности запоминать, наличия музыкального слуха и прочего – московского призывника распределили в соответствующий взвод данной школы. В детстве он несколько лет занимался музыкой у заезжих преподавателей музыкальных училищ, обучаясь игре на аккордеоне в красном уголке их дома в Черемушках.

Этому тогда поспособствовало несколько причин: совет, полученный его родителями от живущей в их подъезде старой пианистки, осмотревшей как-то раз запястья и пальцы мальчишки; желание семьи – в первую очередь мамы – видеть сына играющим на красивом и модном инструменте; его слух: примечательно, что по позвякиванию ключей в разных связках мальчишка, находясь в комнате, мог безошибочно определить, кто из девяти жильцов коммуналки открывал замок квартирной двери (комната их была крайней от входа, и часть ее стены выступала в подъезд, обеспечивая определенную слышимость).

Курсантов «золотого» взвода за шестимесячный срок обучения, включая систематические изматывающие маршировки и тренировочные упражнения с автоматами на плацу – с последующим показательным выступлением на параде в День ВМФ в Калининграде – научили сносно принимать и передавать от руки буквенные и цифровые радиogramмы со скоростью 60-75 знаков в минуту. Кроме того их несколько раз приводили в класс со специальной аппаратурой, где дали навыки печатания вслепую на клавиатуре, в результате чего они и получили свою военную специальность – радиотелеграфист ЗАС («загадочной» аппаратуры связи). Столь малое количество времени, отведенное тогда начальством для занятий на аппаратуре, можно объяснить, вероятно, оставшимся в прежних рамках сроком общего обучения радистов, а также предположением, что при необходимости выпускников доучат на месте постоянной службы. А если для кого-то из них такая необходимость не наступит, то и излишние знания будут им вовсе ни к чему.

Теплые и одновременно грустные воспоминания остались у москвича о короткой дружбе с Васей В. из Казани, которого с большим прикличением комиссовали по состоянию здоровья: тот призвался, скрыв болезнь – энурез. Сейчас, наверное, это покажется необычным для многих представителей современной молодежи, считающих незазорным увильнуть от призыва на службу под любым предлогом, но раньше освобождение ребят от армии по состоянию здоровья считалось чем-то постыдным, вызывало у окружающих неоднозначные чувства, а тем более с таким заболеванием, какое было у Васи... Но в армейских условиях долго скрывать болезнь не удалось. Последствия ее ночных проявлений породили разговоры, слухи, обсуждение среди начальства... И вот, после очередного ночного инцидента, чувство стыда толкнуло сослуживца на отчаянный, бессмысленный шаг – побег из части!

Организованное прочесывание территории в окрестностях учебного комплекса оказалось безрезультатным. Особист, присланный в школу по такому случаю, допросил тогда и москвича, как наиболее близкого Васиного товарища, вызвав курсанта из класса посреди урока приема-передачи. К сожалению, Васек не открылся и своему приятелю – вероятно, это был спонтанный порыв; в противном случае он поделился бы с товарищем своими мыслями, и тот смог бы отговорить его от совершения нелепого поступка.

Обнаружили беглеца на вокзале в Калининграде, переодетым в гражданскую одежду – тренировочный костюм, который тот *позаимствовал* у кого-то на берегу озера в Колосовке. Васю определили в госпиталь на побережье, долгое время проводили исследование-лечение, в результате чего вынесли вердикт о его комиссовании, замяв дело о самовольном оставлении части.

Отправления домой больной нарушитель дожидался в учебке, бездельничая несколько дней по возвращении из госпиталя; а на прощание подарил своему московскому другу небольшой сверток с подобранными на госпитальном берегу причудливыми камешками-слитками золотистого янтаря, которые тот, в свою очередь, передал позже сослуживцам в Крыму. Домой с Балтики Вася уезжал в красивой парадной матросской форме под мысленно звучащий легендарный марш «Прощание Славянки» со словами, выученными ими в учебке:

*...Прощай, любимый край!
Труба зовет в поход,
Смотри не забывай
Наш боевой Балтийский флот!..*

Больше они не встретились.

Из учебного взвода наиболее ярко москвичу еще запомнились Володя М. из Александрова, о котором будет сказано отдельно, и киевляне Саша О. и Миша. Санечка О. – душевный мальчик с глазами удивительного василькового цвета – увлекался фотографией и даже там (пока москвич в свободные минуты «мучил» выбранный в местной библиотеке роман «От сюда и в вечность» Джеймса Джонса) ухитрялся заниматься любимым делом, благодаря чему у них остались памятные снимки. Миша – ершистый, неприветливый, на первый взгляд, кареглазый парень плотной комплекции, единственный из взвода (кроме героя рассказа), кто уже тогда был знаком с музыкой группы «Deep Purple» и насвистывал фрагменты песни «Child in time» из диска «Deep Purple in rock». (Мелодия которой, как теперь оказалось, была заимствована из произведения какой-то другой группы того времени.) На этом они сблизились, с интересом общались. Кстати, до призыва в Армию многое из новинок зарубежной музыки москвичу довелось переписать у одного замечательного ее любителя и знатока по имени Григорий, живущего неподалеку на их тихой Пулковской улице. По собственным словам Григория, он выручил как-то раз своего известного знакомого Виктора Татарского – ведущего популярной тогда радиопередачи «Запишите на ваши магнитофоны», предоставив из своей коллекции для транслирования в его эфире сорокопятку – небольшую грампластинку со скоростью вращения 45 об./мин. – группы «Shocking Blue»... или «Bee Gees»... точно уже не запомнилось...

Из балтийской школы в дивизион связи незабвенного крымского гарнизона распределили шестерых радиотелеграфистов. Из них четверо выпускников были из «золотого» взвода, получившие специальность – с упомянутой ранее дополнительной приставкой «ЗАС» – дающую возможность взаимодействия с соответствующей аппаратурой. В принявшем их гарнизонном дивизионе тогда еще не было такого оборудования, и потому образовался избыток радистов. Молодое пополнение использовали для проведения хозяйственных работ, вплоть до копания траншей и перетаскивания комплектовующих на складах, а также несения всех существующих нарядов (дневальными по роте, по штабу, по автопарку, по КПП, на камбузе...) и лишь изредка – на вахтах в обычных радиосетях ПРЦ.

За это время начальство «нейтрализовало», как потом оказалось, до крайнего предела, половину поступивших специалистов спецсвязи: Степа К. с Украины – по его согласию был переведен в баталеры (кладовщики); Витя Д. из Калуги – в вертолетный полк для предполагаемого использования по специальности в воздухе, но он вскоре заболел и долгое время провел в севастопольском госпитале. Двоим оставшимся курсантам, одним из которых оказался столичный призывник, суждено было с нуля осваивать открывшееся вскоре спецнаправление с вахтенным обслуживанием в режиме «шесть через шесть» (как предписывало тогдашнее положение устава с разрешенными предельными армейскими нормами человеческих ресурсов).

Вахта и радисты

Придя в вахтенное здание ПРЦ, телеграфисты (не путать с радиотелеграфистами, или попросту – радистами) поднялись по лестнице на второй этаж к телеграфу – оборудованию связи, способному распечатывать из своих *премудрых* недр бегущую бумажную ленту со строчкой ин-

формации, переданной без использования азбуки Морзе. Другие члены вахты, проследовав через площадку первого этажа, вошли в небольшую прихожую. Внутри прихожей находилось еще две двери: левая – в комнату обычных радистов ПРЦ, дверь напротив входа – в комнату спецсвязи. Оборудовали ее как раз в бытность службы героя повествования, выделив и отгородив стеной из блоков ракушечника от общего помещения радиотелеграфистов, когда спешно открывали это направление по приказу из центра. Левая дверь практически не запиралась, тогда как дверь в аппаратную, снабженная приспособлением для опечатывания, была постоянно закрыта на замок и открывалась только после выяснения личности посетителя. Входить в комнату, согласно строгим служебным предписаниям, кроме спецрадистов могли лишь несколько человек из всего гарнизона; причем запрещался вход даже их непосредственному командиру – лейтенанту отделения радистов ПРЦ, у которого не было соответствующего допуска.

Радисты обычных сетей прошли к себе в комнату, принимая вахту у ночной смены. Радист спецсвязи нажал кнопку звонка у своей двери и представился; после быстрой процедуры «опознания» шагнул в открытую сменщиком дверь и очутился в крохотной комнатухе площадью около шести квадратных метров. Посредине стены, напротив входа, единственное, покрашенное белой краской и зарешеченное со стороны улицы окно. Справа под вешалкой у двери ящик ЗИПа (запчастей, инструмента и принадлежностей), слева, поперек комнаты и почти вплотную к трем стенам, втиснут двухметровый стол с полками вместо ящиков, сваренный из металлических уголков.

С одной стороны стола – ближе к двери – зачехленный аппарат (который они притащили из штаба со старлеем спец. связи в опечатанном ЗИПовском ящичке); с другой – ближе к окну – громоздкий радиоприемник с длинной частотной шкалой, рядом с которым на краю прикручен обычный ручной ключ связи радистов. Также на столе (или на его полке) размещался телефон, по которому через коммутаторную телефонистку велась связь с основными службами дивизиона. Ничего лишнего в комнате хранить не разрешалось, как, впрочем, и в других дежурных помещениях и объектах вахтенных служб.

Вытащив принесенную книгу, вошедший матрос спрятал ее за приемником, прицепил к брюкам цепочку с печатью и ключом от двери, полученную от сменщика; выполнил с ним процедуру сжигания использованных шифровых бумажек в специальной жестяной банке и принял вахту, произведя в журнале соответствующие записи о сдаче-приемке.

Проводив напарника, отправившегося к выходу из здания ПРЦ, где собиралась сменившаяся вахта перед общим отходом в кубрик и на завтрак, он захватил из тамбура пепельницу и заперся в комнате. Открыл пошире форточку, уселся на одну из двух банок (табуреток), что имелись в комнате, и закурил («прикрываясь» – в случае внезапного визита начальства – запахом от сожжения бумаг).

Крепко затянувшись, молодой человек подумал, что их со сменщиком служба, в общем-то, не так уж и плоха, несмотря на однообразие. Почти год вахта защищала их от множества хозяйственных дивизионных работ и нарядов, ранее испытанных ими в полной мере. Кроме того, специальность радиста, особенно с их «уклоном», была ему крайне интересна; из-за этого он в свое время отказался от заманчивого предложения замполита занять привилегированную должность писаря при штабе, которая почти стопроцентно обеспечивала получение отпуска домой в течение службы (тогда как матросы остальных специальностей, не говоря уже о них со сменщиком, такого блага были лишены).

На вахту он ходил с удовольствием, каждый раз предвкушая что-то новое в общении со своими корреспондентами по эфиру – некое соревнование, захватывающее состязание, в котором парень мог проявить

свое умение, мастерство, реакцию. Недаром когда-то наряду с данным родом деятельности появился радиоспорт.

Так мальчишкой ему нравилось играть в гандбол (на месте разыгрывающего) в детской юношеской школе Дворца пионеров на Ленинских горах, куда он ездил на тренировки из Черемушек. (Он успел еще захватить занятия с легендарным тренером Виленом Тимофеевичем Копейкиным перед перерывом его деятельности в МГДП.)

Вот и сейчас, готовясь к сеансу, связист надеялся на увлекательный диалог с одним из вахтенных операторов главной станции Крымского полуострова, где, как тогда думалось, в каждом гарнизоне имелась собственная радиостанция со своим оригинальным названием (позывным). Главная станция именовалась «Каноэ», их – «Реалист», другие – «Скверик», «Закраска», «Пилка»... Кто и когда дал эти удивительные названия – ему неизвестно... Сеансы связи в их сети были непродолжительными. Остальное время занимала предсеансовая подготовка, профилактические и ремонтные работы с аппаратурой и пребывание на объекте в качестве дежурных и сторожей в ожидании возможных экстренных вызовов по тревоге или команде сверху. Так что свободного времени хватало даже при очередных нарядах, в которые каждый из них двоих заступал регулярно наравне с другими матросами дивизиона, из солидарности не используя возможность освобождения, положенную (по идее) с учетом специфического графика их вахтенной службы. При этом неофициально нарушался установленный режим «шесть через шесть», в результате чего одному специалисту приходилось нести (сверх норматива!) сразу несколько вахт подряд, пока его сменщик отработывал наряд; тогда им разрешалось оставлять объект запертым и опечатанным на время посещения камбуза. Но внеочередные наряды, особенно несправедливо объявленные, они со сменщиком успешно саботировали. Как ни странно, негласная возможность незначительного нарушения вахтенного режима давала ребятам также полезную лазейку поочередно бывать в увольнениях по выходным дням, когда вместе с другими сослуживцами ходили гулять в поселок или на танцы в Дом офицеров...

В сетях обычных радистов сеансы связи велись круглосуточно, учебные радиogramмы передавались и принимались днем и ночью. Причем рядовые гарнизонные станции могли работать как с главной станцией, так и друг с другом (тогда как в их сети сеансы проходили в дневное время и почему-то только с главной станцией).

Привилегией главной станции, которая часто использовалась в обычных сетях, были циркулярные радиogramмы. Это радиogramмы, направляемые специальным общим (циркулярным) позывным сразу для всех корреспондентов сети, без подтверждения с их стороны готовности принятия. После таких передач выборочно производился запрос о повторении тем или иным оператором конкретной группы переданного текста. Пропустившие циркулярное послание не могли произвести повтор, и, таким образом, главная станция регулярно выявляла невнимательных, или задремавших на ночной вахте, радистов, после чего оповещала об этом их руководство. Дивизионное начальство – посредством вахтенных журналов – устанавливало личности дежуривших и наказывало таковых нарушителей внеочередными нарядами или лишением увольнений, поддерживая тем самым боевую готовность и дисциплину подразделений связи на должном уровне. В спецсети же такие проверочные сеансы тогда не практиковались.

Частенько, заходя к соседям по вахте в обычных сетях, спецрадист не упускал возможность передать от руки радиogramму корреспонденту какой-нибудь станции. В обычных сетях имелись и датчики кода Морзе – радиоэлектронные клавиатурные приборы, заменяющие ручные ключи. Они также были соединены с передатчиком, и с их помощью можно было осуществлять работу посредством нажатия на клавиатуре кнопок, обозначающих буквы или цифры, при этом соответствующие

сигналы транслировались непосредственно в эфир. Но использовались эти устройства редко ввиду того, что обычные радисты не обучались навыкам работы на клавиатуре и не владели печатанием «вслепую», а ему, наоборот, интересно было потренировать руку на ключе, оттачивая четкость и разборчивость передачи при максимально возможной скорости. Ведь на вахте в собственной сети он использовал только клавиатуру (а ключ – лишь при вызове и коротких общениях в открытом режиме).

Докурив сигарету, заступивший на вахту москвич, который по сроку своей службы уже вплотную приблизился к долгожданному «дембелю», вынес пепельницу обратно в тамбур – место, где разрешалось перекуривать радистам, вытряхнул ее содержимое в мусорное ведро и оставил там на столе. Курить в вахтенных комнатах не разрешалось, так что, во избежание лишних нареканий, пепельницы выставляли в тамбур, а курение, которое все же иногда – особенно ночью – происходило непосредственно на рабочих местах, старались не афишировать. Затем специалист расчехлил аппаратуру и после выполнения некоторых манипуляций запустил процесс автоматической печати...

Сидя перед стучащим аппаратом, набивающим поток букв на раскручивающейся рулонной бумаге, матрос незаметно погрузился в воспоминания того периода службы, когда только-только открывалось их спецнаправление, при этом он ощутил легкую грусть от осознания невозвратности ушедших мгновений, несмотря на то, что не все из них были прекрасными...

Командировка

Получив приказ из центра об открытии направления спецсвязи, командование дивизиона из двух оставшихся радистов этого профиля выбрало москвича и, справедливо полагая, что в родном гарнизоне помочь молодому *спецу* было некому, направило его в командировку для «повышения квалификации» на ЗКП (запасной командный пункт).

Это была крошечная часть с минимальной численностью личного состава, спрятанная в холмистой местности полуострова. Бетонные бункерные помещения, врытые в верхушку холма и искусно замаскированные, соединялись окопной тропинкой, которая проходила около их входов и была укрыта бруствером по внешней стороне. Ни с воздуха, ни снизу строения, заросшие зеленью, не просматривались. Топили там углем. (Сейчас непроизвольно подумалось: как же тогда обходились с дымной демаскировкой? Но в то время подобных мыслей у радиста не возникало.)

Матросы ЗКП занимались однообразным поддержанием в рабочем состоянии систем жизнеобеспечения и связи, вынужденно ведя отшельническую жизнь на «точке» вдали от светских утех основной гарнизонной базы с ПРЦ обычных сетей, расположенной в цивилизованной прибрежной зоне. В отличие от его дивизиона, направление спецсвязи здесь вовсе не функционировало, было кому обучить прикомандированного радиста всем премудростям, необходимым для обслуживания аппаратуры. Но, заполучив в распоряжение молодого матроса, местный старшина начал определять его в наряды на камбуз. Хорошо, что один из старослужащих наставников, оказавшийся земляком стажера (москвичом), вовремя воспрепятствовал такому нецелевому использованию специалиста и тем самым выкроил четыре дня из недельного срока, щедро отведенного ему родным руководством для познания особенностей и секретов данной службы.

Как ни странно, за этот малый промежуток времени парень сумел запомнить все необходимое, без чего была бы невозможна его дальнейшая самостоятельная работа. По понятным причинам, записывать что-либо категорически запрещалось. Обучение командированного свелось к его присутствию на вахтах с дежурными операторами, во время подготов-

ки к работе и самих сеансов с различными станциями. Он наблюдал за всеми действиями вахтенных, слушал их наставления и запоминал. Работа операторов спецсвязи ЗКП кроме станций Крыма осуществлялась и с Москвой. На столичной станции вахту несли не матросы-срочники, а мичманы (прапорщики), среди которых были и женщины. Помнится рабочая подпись-псевдоним (или позывной) одной из них, которая работала в тот период, была «Анжелика», а одного из мужчин-операторов – «Ангел». За этими псевдоименами скрывались подлинные имена и фамилии специалистов. Но рабочие, символические, «звучали» романтично и красиво, навевая молодому москвичу воспоминания о средневековых приключениях благородных героев из книг Анн и Сержа Голон.

У радистов их сети по традиции было принято выбирать себе личное имя-подпись с количеством букв, близким к пяти (количеству знаков стандартной группы открытого режима). Причем подписываться этими выбранными именами по негласному армейскому кодексу полагалось лишь ветеранам. Молодым матросам (*салагам*) надлежало ставить подпись в виде группы начальной буквы своей фамилии. Например, Иванов ставил «ииниии», Седов – «ссссс».

По прошествии почти полвека та аппаратура неизбежно устарела и потеряла свою актуальность. Азбука Морзе теперь (кроме спортивных состязаний) применяется все реже, хотя и остается – по интернетным сведениям – самым надежным способом связи в случае невозможности использования современных. Чтобы не усложнять повествование ненужной информацией, поясним лишь, что в открытом режиме аппаратура работала, как обычный датчик кода Морзе (ДКМ), посылая в эфир звуковые исполнения набираемых на клавиатуре букв в виде морзянки, а в закрытом режиме осуществляла их зашифровку с выдачей уже измененных буквенных звучаний. Уникальный механизм аппарата и четкая система шифров обеспечивали надежную и безошибочную расшифровку-распечатку информации, получаемой в процессе сеанса связи. В открытом режиме все переговоры проводились с помощью специальных и общепринятых кодов.

Очередной сеанс

Остановив аппарат после автоматической печати, задумавшийся вахтенный вернулся в действительность из мысленной командировки. Подошло время начала сеанса связи. Позвонив по телефону на передающей центр, мечтатель заказал передатчик на основную рабочую частоту их направления. Через минуту, пробно погудев на назначенной частоте, обозначился передатчик родного «Реалиста», еще через минуту так же стали проявляться пробными сигналами другие станции их сети, участвующие в сегодняшнем сеансе. Расположенные поближе – четкими, громкими гудками, а удаленные – более слабыми и глухими.

Главная станция – «Каноз» – начала в открытом режиме опрос присутствующих корреспондентов; сигналы ее передатчика звучали громко и четко. Ответив, в свою очередь, на ручном ключе на ее вызов, он подтвердил тем самым свое присутствие и приготовился к отслеживанию сеанса. Закончив опрос, оператор «Каноз» циркулярно озвучил необходимую информацию, после чего все партнеры сети были готовы к вступлению в связь. В этот раз первым был вызван «Скверик». Получив от него подтверждение готовности с предложением начать передачу, «Каноз» заработала в закрытом режиме. Как обычно, первые четыре-пять неторопливых нажатий составлял пробел, затем последовало приветствие и небольшой отрывок текста – размером один, два абзаца – из какой-то черноморской военной газеты.

Скорость передачи в этот раз была ниже средней, неувлекательной (наверное, работал какой-то *салага*), но вахтенный «Реалиста» все равно, как всегда, от начала и до конца прослеживал работу главной станции с

е корреспондентами. Синхронно принимая на своем аппарате сигналы участников и «идя с ними в ногу», он медленно читал текст очередного диалога, плавно выплывающий из-под печатающей каретки (стоило сбиться всего лишь на один знак, как расшифровка нарушалась).

Его сменщик – второй вахтенный *Реалиста* – Анатолий Т. из украинского города Малина сначала с некоторыми затруднениями осваивал прием морзянки на аппаратуре, но неплохо разобрался в механике, радиотехнике и успешно осуществлял ремонт, наладку и профилактику аппарата. Со временем, проявив настойчивость, он (с помощью своего соратника) все-таки сумел в полной мере овладеть специальностью и, кроме обязательной отработки сеанса, также иногда прослеживал чужие диалоги, как, впрочем, и многие другие операторы, что при средней скорости передачи не составляло особого труда. Во всяком случае, их товарищ по балтийскому учебному взводу Володя М. из Александрова, тоже (будучи распределенным в Крым и попав на гарнизонную станцию «Закраска» их сети) регулярно читал все переговоры главной станции во время своих вахтенных дежурств. Эту прослежку могла выполнять и контрольная станция, что, наверное, и предполагалось в ее работе по цензурированию эфира без обнаружения своего присутствия. Существовала ли такая станция именно в их сети, они за всю свою службу так и не узнали, но угроза ее незримого присутствия всегда была на слуху у операторов и поддерживалась начальством.

Наконец, он дождался вызова своего *Реалиста* и сразу предложил – соответствующим кодом (ГА) – оператору «Каноэ» продолжить передачу, добавив при этом код, означающий в то время просьбу увеличения скорости передачи. Тот сразу возобновил работу в закрытом режиме с возросшей скоростью, сообразив, что вновь вступивший в связь корреспондент с *Реалиста* прослеживал ее ранее.

Получив приветствие и очередную порцию скучного газетного текста от вахтенного «Каноэ», он ответил большим абзацем озорной новеллы «Последняя глава моего романа» французского писателя Шарля Нодье из книги, принесенной утром и открытой на интересном месте. Книга с данным шедевром была найдена на полке гарнизонной библиотеки среди нескольких томов сочинений Стендаля, включающих «красно-черно-белую» («Красное и белое» – второе название романа «Люсьен Левен») эпопею и «Прогулки по Риму».

После обмена посланиями партнеры попрощались и закончили работу между собой, а также в сети, так как *Реалист* был на этот раз последней из вызываемых станций. Радист снял с головы наушники, выключил аппаратуру с приемником и, позвонив на передающей центр, дал команду отключить передатчик, сожалея о быстро пролетевшем сеансе связи; затем зачехлил аппарат, взял сигарету и вышел из вахтенной комнаты, захлопнув дверь. Миновав площадку первого этажа, он толкнул входную дверь и очутился на улице, ослепленный солнечным сиянием. Весна приближалась к своей середине. Погода к полудню разгулялась, и около каменного здания ПРЦ было по-летнему тепло. Обойдя строение, матрос закурил, присел в полутени на доску-лавочку, приткнутую на кирпичи около кустарников акации и сирени. Со стороны летного поля веяло приятной свежестью.

В конце весны, начале лета предыдущего года все это безбрежное степное пространство было залито красным цветом волнующегося моря диких маков. В суете серой повседневной жизни тогда не замечались, или не воспринимались в полной мере, прекрасные явления окружающей природы – наоборот, запомнились почему-то неприглядные моменты: промозглые, ветреные и сырые зимы, гниющие болячки фурункулов на ногах... Но цветение крымских маков навсегда врезалось в память вахтенного! Тому способствовало, наверное, то обстоятельство, что наблюдать волны их пылающего океана ему довелось во время радостной встречи со своими родителями, когда те – с его ленинградским млад-

шим кузеном Сережей – заезжали повидаться с сыном во время отпуска, традиционно проведенного затем на Азовском море, в Кирилловке. Свободный, счастливый, получивший денек увольнения, он ехал с ними (переодетый в гражданскую одежду) погулять в Севастополе, с восторгом обозревая из окна их новенького «ВАЗ-2101» нескончаемую панораму алого куда...

Порыв ветра поднял пыль у вертолетной площадки. Сидя на растрескавшейся старой дощечке около зарешеченного окна своей аппаратной, радист поймал себя на мысли, что пустынная и скудная в холодное время степь, вызывает у него ассоциации с местностью Сиваша и Джанкоя, по которой когда-то в детстве они семьей проезжали на стареньком «Москвиче-401», следуя на курортное побережье Крыма. Тогда он не мог знать, что в будущем доведется служить на территории полуострова.

Джанкой, в свою очередь, с периода службы стал напоминанием о «Закраске», «Пилке», расположенных где-то в тех даях, о его товарище Володе М., с которым они списались через своих домашних, когда оказались на новых местах после окончания учебы, и продолжили переписку весь остаток службы; а потом, уже после демобилизации, неоднократно встречались в Москве, куда Володя приезжал на электричке из своего Александрова...

Всматриваясь в линию горизонта в том направлении, где, казалось, находились «Закраска» и «Пилка», он в очередной раз вспомнил об удивительном ночном сеансе связи, проведенном ими в своей сети за несколько месяцев до описываемого дня.

Ночной сеанс

В письмах друг другу они давно выражали желание пообщаться с помощью их оборудования. И вот, созвонившись по межгарнизонному телефону дежурного по связи, друзья обговорили необходимые нюансы этого сеанса и назначили день, а также время начала связи – ровно 03:00 ночи. Позывных в эфире условились вообще не озвучивать. Днем, перед их ночным сеансом он поднялся на верхний этаж ПРЦ к дежурному по связи, позвонил на «Закраску» и, вызвав Володю к телефону, получил окончательное подтверждение относительно наступающей ночи. Все остальное было оговорено раньше.

В предвкушении долгожданного сеанса время до его начала тянулось томительно долго. Придя в родной кубрик после дневной вахты и ужина во вторую смену, радист предупредил дневального о необходимости разбудить его ночью и лег отдыхать. До подъема оставалось около четырех-пяти часов.

Период перед ночной вахтой был самым неудобным для сна, в кубрике к вечеру собирались его обитатели, снующие туда-сюда, а после вечерней прогулки и проверки наступало шумное время приготовления к отбою. Так что реально он смог уснуть только вместе со всей братией дивизиона, которой не надо было вставать среди ночи.

После того, как дневальный разбудил вахту в установленное время, – отходя от его кровати и сладко позевывая: наверное, сам дремал, прислонившись у тумбочки в коридоре, – он быстро умылся, собрался и вышел из кубрика вместе с другими вахтенными. Матрос с телеграфа, как всегда, тащил с собой карабин – один на все шествующее звено – по заведенному, неизвестно кем, с давних времен распорядку.

Специалисты передающего центра сразу отделились, свернув за угол, на дорогу, ведущую к расположенному на отшибе зданию с передатчиком. Остальные матросы проследовали дальше по затихшему, спящему гарнизону: прошли крошечный дивизионный плац, миновали санчасть, поднялись по прямому полотну дороги вверх, оставив справа стадион, слева – штаб, вертолетный полк, и в конце, свернув налево, уперлись в здание ПРЦ.

Оказавшись на месте, полуночник принял вахту, произвел на аппаратуре ежедневные утренние процедуры со всеми сопутствующими действиями и учетом согласованных с товарищем данных и стал ждать. Незадолго до сеанса позвонил на передающий центр, напомнил пришедшему оператору о включении передатчика, пока тот не успел окончательно «отлететь» в страну сладких, прерванных переходом на вахту, сновидений. Еще вечером, в кубрике перед отбоем, он предупредил его о предстоящем ночном включении на запасной частоте их сети, посетовав якобы на необходимость проведения профилактических работ и указание главной станции о «проверке функциональных возможностей запасных частот в нерабочие часы». Сам тем временем включил приемник и настроился на обусловленную запасную частоту. Через некоторое время обозначился передатчик «Реалиста», разнотонно погудев при настройке. По окончании настроечного гудения радист «Реалиста» проверочно «ткнул» в эфир пару точек и замер в ожидании. Вскоре «прорезался» и передатчик со стороны «Закраски», а после умолкания его настройки оттуда так же пробно «пискнули» две точки, и наступила тишина.

Ровно в 03:00, как было договорено, оператор «Реалиста» взялся рукой за ключ и послал в эфир точку; услышал от Володи две точки в ответ и тут же предложил ему начать передачу (простучав код «ГА»), тем самым закончив их мини-связь в открытом режиме. «Закраска» начала работу сразу на скорости около 120-130 знаков в минуту. За время пребывания в общей сети они знали возможности друг друга, и поэтому партнер повернул регулятор скорости выше среднего значения.

* * *

Следует пояснить, что радист-оператор с определенной сноровкой быстро достигал при печатании той квалификации, при которой величина интервала между нажатиями букв определялась лишь длительностью механического блокирования клавиш, исключая звуковые накладки, на момент прохождения знака в эфире. Этот промежуток вмещал в себя и время на обдумывание – человеческую реакцию передающего. Изменение скорости передачи осуществлялось с помощью регулятора, как и в обычных датчиках кода Морзе. При ее уменьшении длительность звучания букв (прохождение их в эфире) увеличивалась, замедлялась, они как бы растягивались вместе с интервалами блокировки клавиш. И, наоборот, при увеличении скорости длительность звучания букв сокращалась, ускорялось их прохождение в эфире, уменьшались интервалы блокировки.

Стандартный регулятор скорости аппарата не обеспечивал большой скорости передачи, и для ее повышения производилась не очень сложная дополнительная модернизация (которая была выполнена практически на всех аппаратах станций их сети, в том числе и на «Закраске»), обеспечивающая возможность сокращения звучания знаков до пределов человеческого восприятия и даже выше... Для человека, не владеющего азбукой Морзе, а также для начинающего радиста звучание столь укороченных знаков, составленных из точек и тире, можно сравнить с чиркающими щелчками зажигалки. А буква «е», состоящая всего лишь из одной точки, при определенной степени сжатия практически исчезала вовсе, и о наличии ее порой можно было судить лишь по мельчайшей (микро!) паузе, проскакивающей в равномерном стройном потоке «чиркающих» звуков...

На «Реалисте» работа по модернизации регулятора скорости была произведена его товарищем-сменщиком, скрупулезным малинским радиомонтажным паяльщиком Толей Т.

* * *

Первую группу пробелов Володя М. передал с увеличенными паузами между знаками. Затем, определив, что все идет нормально и друг с «Реалиста» не перебивает и не останавливает, он убрал паузы и прибавил

скорость передачи почти до предела восприятия партнера, где-то, наверное, около 160-180 знаков в минуту (а может быть, и больше – кто тогда измерял?!). После чего продолжил «гнать» текст предельно сжато, беспрерывно и четко. Слышимость была чуть ниже средней.

Прием послания шел напряженно, одновременно читать по ходу при данной скорости было невозможно: отвлекалось внимание от восприятия морзянки. Москвич принимал, прислонившись лбом к крышке аппарата, и изредка приподнимал голову, чтобы, мазнув взглядом по распечатывающимся строкам со словами, удостовериться в расшифровке и читаемости текста. После пяти минут работы наступила пауза. «Закраска» закончила свой вступительный фрагмент беседы и переключилась на прием.

Радист «Реалиста», дав в открытом режиме от руки код ожидания «АС» («ждите»), быстро прочитал полученное от товарища, а затем в свою очередь продолжил в закрытом режиме ответное и столь же пространное послание. Так они вели диалог часа полтора, с перерывами на перекуры, распечатав чуть ли не по полтора метра рулонов бумаги. *Говорили* о службе, о доме, о встрече после дембеля и обо всем, что приходило в голову. В тот момент кроме них двоих прочитать переписку не мог никто, ни одна контрольная станция на свете... После проведенного общения куски рулона с распечатками были вырезаны (с оставлением на месте склейки обычной пометки о выполнении необходимых работ) и сожжены.

Дневные хлопоты

Докурив сигарету, он посидел еще немного на лавочке и возвратился в здание ПРЦ. Тут же под настроение связист зашел в комнату к радистам простой сети и передал на «Закраску» от руки радиограммку в пятьдесят групп (большее количество с приличной скоростью – затруднялся: уставала рука из-за малой практики); «зарядил» буквенный текст со скоростью знаков, наверное, 120-130 в минуту (в свое время его направляли от их гарнизона в Бельбек для участия в соревновании по ручному приему-передаче морзянки). В последних двух группах он замаскировал для Володи М. приветственную фразу «**салют максу**» и затем попросил радиста «Закраски» повторить именно их. Тот принимал хорошо, не прося снизить скорость, – по всей видимости, попался такой же старослужащий – все принял, понял и исправно повторил эти группы.

После этого матрос вернулся к себе в каморку и вспомнил, что надо захватить в кубрик свои парадно-выходные дембельские брюки для возврата в баталерку. Он принес их сюда несколько дней назад, чтобы без помех традиционно расклешить, растянув – с предварительным намачиванием – на специальных фанерных клиньях. Открыв в правом от окна углу замаскированный полуметровый кусок необычно широкого – больше ширины ладони – плинтуса, окаймляющего по периметру пол их комнаты, он достал пакет с брюками из потайной ниши (выдолбленной ими незаметно в толстой стене мягкого известняка-ракушечника во время работ по благоустройству). Сменщик хранил в тайнике свои дембельские значки, удлиненную ленту для заказной бескозырки и еще что-то. Затем поставил плинтус на место, проверив тщательность его совпадения, и стал дожидаться смены вахты, чтобы сходить пообедать и вернуться назад.

Вчера он решил, договорившись с напарником, увеличить длительность сегодняшней своей вахты до 12 часов (вместо 6), чтобы сдвинуть смену и поменять режим, исключив на какой-то период надоевшую ему утреннюю зарядку и предоставив время подъема Толе. Прихватив пакет с брюками, он закрыл дверь и опечатал; присоединившись к строю вахты, спустился к кубику, занес брюки в баталерку, умылся, прошел со второй сменой на камбуз. Пообедав, связист в одиночестве вернулся на вахту, убрал комнатку, почистил и смазал аппарат. Потом заглянул поболтать к соседям-радистам, дал в открытой сети радиограммку

какой-то станции. Вечером отдыхая, слушал музыку по приемнику, поймав прекрасную песню «Without You» (называемую им тогда «Can't live» – без «I», ускользающей в начале припева, а сейчас широко известную в исполнении певицы Mariah Care).

Вскоре в тамбуре послышались шаги с разговорами и голос сменщика, раздался звонок. Он открыл дверь, пропуская радостного напарника. Тот вошел, снял бескозырку, отработанным жестом закинул ее на крючок вешалки и, протянув небольшой сверток, произнес:

– Это тебе подарочек... к ужину. Сегодня ходил в поселок получать посылку из Малина. Здесь кусочек украинского деликатеса... Чего новенького на вахте?.. В сети?..

– Ну, Толик! Ты настоящий товарищ, спасибо! – поблагодарил москвич сородника, с удовольствием принимая сверток с салом. – А в сети ничего особенного не было... все прошло, как обычно... как всегда...

Сдав вахту и забрав с собой «Нодье» (*спрятанного* за приемником), москвич пожелал сменщику хорошего вечера и вышел, добавив в дверях: «Пока... до ночи...»

Вечер

В кубрике его перехватил Витя Д. – друг из Калуги. Витю к концу службы вернули к ним в дивизион из вертолетного полка, так и не используя для работы в воздухе после севастопольского госпиталя. Он ходил на вахту в открытой сети «Реалиста» и иногда, с помощью московского или малинского сородников, работал на аппаратуре – допуск у него имелся, а в основном уже активно готовился к дембелю...

Витя заговорчески поведал, что в тот день у кого-то из их ребят случился день рождения и что москвича тоже пригласили и ждут; учили даже его пайку: хлеб, кусок жареной рыбы и сахар, предусмотрительно забрав с ужина. Так что на камбуз со второй сменой ему идти было ни к чему – пошли сразу в баталерку, к Степе К. Там сидели в ожидании несколько их погодков; в основном радисты, среди которых затесался шофер Сабир И., веселый, активный и предприимчивый – даже, наверное, чересчур – малый, откуда-то с югов, точно не запомнилось. Лишенный, кажется, водительских прав, этот горе-водитель, – чтобы как-то дотянуть до его близкого дембеля, – перекидывался начальством на разные хозяйственные работы, от коих неизменно ловко уваливал, целыми днями болтаясь по гарнизону.

Увидев вошедших сослуживцев, ребята быстро разложили на столе незамысловатую закуску: хлеб, рыбу, сахар, колбасу... Кстати пришелся и кусочек сала от Толика. Степа боязливо запер дверь баталерки на засов. Сабир, хитро сверкнув карими глазами, выставил на стол большую бутылку; открыв, быстро разлил по кружкам ее содержимое. Поздравляли именинника и, чокнувшись, опрокинули в себя таинственную жидкость... И тут оказалось, что шофер напоил компанию каким-то разбавленным техническим спиртом, раздобытым, наверное, на складах или в летных мастерских гарнизона. Поначалу испугались: не отравил ли, шельмец?! Но тот убедительно заверил, что все уже испытано неоднократным употреблением. Затем, покуривая, сидели на лавочке у плаца дивизиона. Витя играл на гитаре и пел... про белую березу, про звонящие колокола, про плачущую девочку в автомате... а все подпевали, выдыхая смесь *резино-бензо-спиртовых* паров... Через несколько месяцев они, посмеиваясь, вспоминали этот эпизод в Москве, куда после службы Витя приезжал из Калуги в гости к другу.

После отбоя ребята долго шептались, лежа в койках – москвич решил рассказать сослуживцу об эфирной встрече, произошедшей у него на вахте за несколько дней до дня рождения. Последнее время им все никак не удавалось состыковаться: то Витя был в наряде, то не совпадало их вахтенное время... А произошло следующее.

Встреча в эфире

В тот день после окончания традиционного сеанса с «Каноэ» он «пробежался» по частотам и случайно уловил на одной из них своеобразное звучание родной аппаратуры, отличающееся от работы обычных датчиков кода Морзе. Крайне заинтересовавшись, подстроился получше и прибавил громкость. Передатчик незнакомца работал приглушенно, что указывало на его отдаленность либо маломощность; скорость передачи – выше средней. Через некоторое время работа прервалась и тут же возобновилась с другого передатчика, который звучал еще тише. Это отвечал партнер незнакомца. Тогда матрос с «Реалиста» сообразил, что наткнулся на чужую сеть с такой же аппаратурой, и ему чертовски захотелось поработать с ее оператором, хотя реакция со стороны начальства на такой несогласованный сеанс могла быть непредсказуемой.

Минуту-другую поколебавшись, он все же решился... и позвонил на передающий центр, срочно заказав передатчик на частоту обнаруженных чужаков. Сослался, на всякий случай, на повторный сеанс связи для проверки новой частоты, хотя вахтенным *передающего* это объяснение было глубоко «до лампы». Они всегда без лишних вопросов обеспечивали качественную работу на любой запрашиваемой частоте. (Правда, далеко не факт, что дополнительные включения проходили бесследно, без занесения соответствующих записей в их вахтенном журнале.) Через пару минут, пробно погудев в эфире, обозначился передатчик «Реалиста», приглушив на несколько секунд все звуки.

Тем временем, приостановившись из-за возникшего гудения, чужак заканчивал сеанс в своей сети и объявил корреспондентам о конце связи с упоминанием – как полагалось – собственного позывного. Тогда, собравшись с духом, переборов колебания, москвич взял за ручку за ключ и вызвал незнакомца, простучав его позывной, услышанный мгновение назад; предложил поработать (кодом «ВРК?»), указав, в свою очередь, свой позывной. Тот после небольшой заминки выдал код «АС 1» (ждите 1 минуту). После паузы переспросил позывной, получив ответ и повторную просьбу о работе, объявил еще одну минуту ожидания. Время медленно тянулось в нервном и тягостном ожидании. Вахтенный Реалиста даже закурил прямо за аппаратом. Наконец, незнакомец вызвал настырного смельчака и, сообщив дополнительные данные, через некоторое время осуществил с ним связь. Как полагалось, сначала пошла группа пробелов, после чего хозяин сети отметил слабую слышимость сигнала передатчика новой станции, неожиданно возникшей на их частоте, и спросил о причине ее появления и принадлежности.

В ответ смельчак пояснил незнакомцу, что случайно наткнулся на их сеть, а его станция принадлежит крымскому гарнизону, матросом коего он является. С великим удивлением и охватившим его чувством благоговейного волнения гарнизонный радист узнал, в свою очередь, что общается с оператором связи одного из знаменитых противолодочных крейсеров-вертолетоносцев – «Москва» или «Ленинград» (к сожалению, спустя столько лет, ему уже не запомнилось, какой именно из одинаково значимых и тождественных кораблей был тогда на связи). В тот момент крейсер вполне мог находиться где-нибудь в Средиземном море, а не в Севастопольской бухте, но тогда это не пришло в голову вахтенного «Реалиста». Узнав из их диалога о том, что его собеседник принадлежит к морской авиации (с двумя годами службы), корабельный радист посоветовал на свой трехгодичный срок (отведенный в СССР того времени для служащих-срочников плавсостава и частей береговой охраны). Что в очередной раз напомнило гарнизонному матросу о благоволении Фортуны, оказанном ему на столичном пересылочном пункте.

После непродолжительного общения на приличной скорости незнакомец выразил радость по поводу их знакомства, затем с сожалением сообщил об окончании времени сеанса и распрощался, пожелав напо-

следок новому партнеру скорейшего дембеля и радостного времяпровождения на гражданке. Растроганный и счастливый, радист «Реалиста» также пожелал корабельному связисту благополучно дослужить остаток срока, не печалиться и помнить, что вся жизнь, полная надежд, радостей, великих свершений и веры в будущее, у них еще впереди, после чего с чувством гордости и удовлетворения поставил в конце свою подпись: «**маркиз**».

Ночь (эпизод)

Радист закончил свой рассказ и уловил тихое посапывание – его сосед мирно спал, умаявшись за день и недослушав друга. Повернувшись на другой бок, он тоже закрыл глаза – до подъема на вахту оставалось около двух часов.

Засыпая в конце того дня своей службы, вахтенный «Реалиста» не мог знать, что спустя четыре года его друг вернется на службу прапорщиком и станет все-таки воздушным радистом на самолете ТУ..., служа в эстонском городе Тарту, после чего связь с ним прервется; а его вахтенный соратник Толя Т. из Малина – по интернетной информации – «дорастет» на старости лет до кандидата в мастера спорта Украины по радиоспорту, но в телефонном (!) режиме. Что спустя 22-23 года флагман КЧФ крейсер «Москва» и легендарный «Ленинград» будут разрезаны на металлолом в бухте индийского городка Аланг. А лет за пять до этих событий вся территория Крыма отойдет другому государству, и множество объектов, подобных ЗКП, будут разрушены и разграблены населением – вплоть до каторжно-трудоемкого извлечения арматуры из их железобетонных основ для сдачи на металлолом! Многие его сослуживцы по взводу балтийской учебной школы окажутся гражданами чужих стран вместе с их всевозможными полученными знаниями, в том числе и молодые спецрадисты, «натаскав» которых на вахтах перед самым дембелем, они оставили себе на смену. Один из них, Петя Г. – с ним москвич некоторое время переписывался – был из Литвы, и двое – с Украины. Данное обстоятельство, а также время и технический прогресс в области связи сделают эти знания рассекреченными и бесполезными: азбука Морзе станет исчезающим видом спорта, фотографии их музейного, потерявшего актуальность аппарата со всеми внутренностями можно будет свободно увидеть в сети Интернет. Он не мог знать, что учебку расформируют и превратят в тюрьму. Место его крымской службы станет иностранным курортным поселком с комфортабельными отелями, а около чудом уцелевшего российского гарнизона будут бродить туристы и отдыхающие; что он сам на склоне лет (когда будут дописываться – с неоднократными уточнениями и правками – эти строки), возможно, захочет выбраться сюда хотя бы на несколько дней, чтобы еще раз увидеть что-нибудь знакомое, напоминающее о давней юности, и на короткое мгновение окупиться в прошлое...

(Название гарнизонных радиостанций изменено.)

Июль 2013 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

События последних лет заставили автора вернуться к армейским запискам, побуждая дополнить их небольшим послесловием в мажорных тонах, смягчив серые краски и, так сказать, добавив – в меру – розовых оттенков.

Основным событием, конечно, стало счастливое возвращение Крыма в родное лоно России, беспрецедентно осуществленное с легкой руки президента по Божественному проведению и под покровительством Высших сил, что, безусловно, в решающей степени определило долгожданную ностальгическую поездку в те края, о которой мечтательно

упоминалось в конце рассказа, и которая подвигла к написанию послесловия.

Поездка вылилась в маленькое недельное путешествие, которое бывшему матросу удалось осуществить в июне 2015 года вместе с женой и внучкой, найдя пристанище на романтической базе отдыха у самого вьезда в гарнизонный поселок.

Отрадно было удостовериться, что гарнизон жив, правда, несколько в иной форме, как в прямом, так и в переносном смысле: ни одного матроса они не увидели, все срочники теперь там ходят в солдатской форме, да и число их значительно поубавилось. Очевидно, что в современный одногодичный срок службы по призыву не имеет смысла готовить вахтенных специалистов из срочников (всего лишь на пять-шесть месяцев, остающихся после шестимесячного курса учебки). Связистами теперь, наверное, являются контрактники, а контрактники вряд ли станут носить матросские робы и бескозырки! Большинство персонала там ходит в технической одежде. Солдатам – в свободное от общеевойсковой муштры время – находить, по-видимому, какие-то несложные работы, не требующие особого обучения и навыков: копать, убираться, сторожить.

В Севастополе в матросской форме встретили лишь двух парней, одетых по-парадному, ехавших в троллейбусе с офицером – очевидно, курсанты здешнего училища. И на «коробках» (кораблях) им не попалась на глаза молодежь в традиционном форменном одеянии. Матросов с легендарными воротниками-гюйсами и бескозырками с лентами теперь редко увидишь... только лишь на парадах, в старых кинофильмах и на музейных фотографиях... жаль уходящую легендарную красавицу-форму.

По всему поселку и среди ДОСов (дом офицерского состава) теперь действительно можно ходить без ограничений – от старого КПП остался лишь разрушенный остов на дороге рядом с рынком; военные владения с казармой, наоборот, огородили легким забором (из металлической просечки) с КПП, устроенным напротив стадиона. Подойдя к КПП, московские «паломники» остановились; постояли, посмотрели со стороны на солдатешек в незамысловатой пятнистой зеленке обезличивающего камуфляжа (который сейчас носят все кому не лень: от бомжей, гастарбайтеров, бандитов, строителей, охранников, полиции, грибников и дачников до министра обороны) и хотели было уже уйти, как какие-то женщины, проходя мимо, подсказали, что на время обеда КПП открывают для свободного прохода... Оставалось минут пятнадцать. Подождали.

Когда калитку открыли, они прошли за ограду, миновали здание – переоборудованное теперь в столовую – бывшего штаба дивизиона, какие-то жилые панельные дома с развешанным на балконах сушившимся бельем и поднялись вверх по дороге, повторив старинный вахтенный маршрут. Проследовали мимо корпуса бывшего вертолетного полка, где раньше у входа всегда толпилось множество матросов этой части. Навстречу им беспрерывно попадались спешившие на обед служащие в спецодежде и комбинезонах: офицеры, техники и прочая обслуга летательных аппаратов. На его вопрос о ПРЦ никто членораздельно ответить не мог.

Посетители подошли к зданию ПРЦ. Строение осталось неизменным. Лишь звонок появился у входа, и дверь, которую раньше не запирали, теперь была закрыта. На их звонки и стук никто не откликнулся. Они обошли строение с тыла и остановились там, где давным-давно матрос морской авиации иногда перекуривал, сидя на доске-лавочке под зарешеченным окном своей аппаратной. Здесь тоже все осталось неизменным. Лишь старенькой лавочки не было. Через открытые окна первого этажа (бывших комнат радистов) виднелось какое-то оборудование, но не было ни души. Ушли на обед? Жена все дергала его:

– Ну что ты туда заглядываешь? Нас заберут с тобой... Пойдем уже назад...

Напоследок бывший матрос показал внучке вертолеты, расположенные на площадке все там же, у края поля, после чего вернулись обратно, прошли к зданию бывшего кубрика дивизиона связи, где он проживал с матросской братией. Поговорили с несколькими солдатами, представив им старые фотографии этого места с его бывшими обитателями, среди которых можно было узнать и ветерана. Те удивились и подсказали, что вход в кубрик теперь с другой стороны, с улицы.

Около бывшего камбуза – напротив бывшей библиотеки – семейству неожиданно повстречался капитан 3-го ранга (в морской форме), которого ветеран попытался расспросить о матросах... радистах... также намереваясь показать давние фото, но тот, буркнув что-то, не пожелал разговаривать и ушел прочь. Возвращаясь к проходу, снова миновали торец Г-образного здания кубрика – с той стороны, где располагалась санчасть – и вышли через калитку обратно на улицу. Потом он пожалел, что так и не зашел в кубрик к солдатам, чтобы – возможно – поговорить с кем-то из руководства.

Но жизнь идет своим чередом, и отрадно, что в Крыму, поселке и гарнизоне она не потеряла предназначенный ей смысл: все так же поднимаются в воздух, улетаая в небесно-морскую даль, вертолеты и самолеты, современный крейсер «Москва» бороздит морские просторы, а территория поселка все больше разрастается, застраиваясь новыми домами и коттеджами. У старинного лестничного спуска к морю – недалеко от бывшего кубрика дивизиона – теперь раскинулся шикарный пляж с гостиничным комплексом, напоминающим архитектурным изыском парус.

Прогуливаясь по улицам поселка, он пару раз заходил в кафе на центральной площади – у автобусного круга, где, сидя за столиком, неторопливо дегустировал представленные вина; пробовал разные, но ни одно не понравилось (любимой терпкой «Изабеллы» не было).

В те июньские дни они побывали в славном Севастополе, прокатившись на катере по легендарной Севастопольской бухте, посетили сказочный Воронцовский дворец, поднебесную заоблачную Ай-Петри, сочащийся удивительной капельницей Бахчисарайский фонтан, купались в не прогревшемся море и отведали долгожданной жареной барабульки в кафе на высоком, обрывистом, как у маяка, берегу этого незабываемого местечка.

Огромное счастье, что все это вновь к нам вернулось!

Август 2016 – март 2021г.